

Часть II

**Исследование ветхозаветных
историй**

Краткий обзор

В первой части мы рассмотрели некоторые основные условия, при помощи которых Дух Святой готовит нас к чтению Ветхого Завета. Наше восприятие зависит от личной христианской жизни, взаимодействия с обществом и экзегетики Писания. Чем больше мы вникаем в эти аспекты герменевтического процесса, тем лучше мы сможем понимать ветхозаветные истории.

Во второй части мы будем исследовать первоначальное значение историй Ветхого Завета. Мы посмотрим, какую цель преследовал Дух, когда вдохновлял ветхозаветные истории в их историческом контексте.

Исследование первоначального значения — это сложная задача. Сначала мы попытаемся установить цель нашего исследования, и обратим внимание на некоторые инструкции к этой процедуре (глава 5). Затем мы посмотрим на особенности, содержащиеся в ветхозаветных текстах: искусство создания образов (глава 6), описание сцен (глава 7), отдельные эпизоды (глава 8), а также структуры больших историй (глава 9). В главах 10 и 11 мы сосредоточимся на писателях и слушателях ветхозаветных историй. Краткий обзор всех ветхозаветных книг, имеющих преимущественно повествовательный характер, предоставит нам глава 12.

Применяя методы, описанные в этой части нашей работы, мы установим общую структуру для дальнейшего более подробного исследования.

Ориентация на исследование

Когда археологи исследуют прошлое, они сталкиваются со многими трудностями. Помимо напряжения самих раскопок, жара, дождь и ветер могут настолько отвлекать их, что даже самые опытные исследователи пропускают важные открытия. Чтобы раскопки были успешными, археологи должны быть единомышленниками, настроены на достижение стоящей перед ними цели. Они также должны уделять особое внимание этапам, которые могут помочь им в достижении намеченной цели.

В этой части нашей работы мы будем «раскапывать» первоначальное значение ветхозаветных историй, исследуя эти рассказы в их историческом контексте. Многие трудности могут легко отвлечь наше внимание. И если мы надеемся на успех, мы должны иметь четкое представление о том, что мы пытаемся найти, и внимательно рассматривать любые способы продвижения к успеху.

Мы начнем исследование ветхозаветных историй с двух основных вопросов: 1) В чем заключается цель исследования? 2) Какие этапы исследования помогают нам достичь этой цели?

Цель исследования

Однажды мне рассказали о разговоре между учителем духовной семинарии и учеником. Ученик подготовил проповедь о вечности Бога на основании книги Бытие (1:1). Когда он закончил, наставник задал ему вопрос: «Скажи мне в двух словах, что означает этот стих?» Ученик, не задумываясь, ответил: «Он означает, что Бог вечен».

«Нет,— сказал учитель,— ты упустил суть. Этот стих означает, что Бог сотворил все».

«Я думаю, он означает и то, и другое» — не согласился ученик.

«Такого быть не может,— настаивал учитель,— каждый стих имеет только одно значение».

Каждый студент семинарии проходит через тяжелые испытания проповеднических занятий. Ожидание вашей очереди проповедовать похоже на ожидание в очереди на казнь. Что бы вы ни сказали, учитель всегда найдет что-то неправильное. Но этот особый разговор ставит перед нами важную задачу в поисках значения ветхозаветных историй. В чем цель нашего исследования? Мы ищем только одно или множество значений?

Многовалентность

Однажды Джон прогуливался по тротуару, когда к его ногам подкатился клочок бумаги. Подняв записку, он прочитал: «Нужна помощь!» Джон прекрасно умел читать и вполне понимал значение слов «нужна» и «помощь». Он совершенно не сомневался в очевидности значения этой записки.

Внезапно к нему подошел прохожий и, указывая на скрывающуюся из вида машину, сказал: «Я видел, откуда вылетела эта записка. Ее выбросил маленький мальчик, когда его затащили в ту машину. Вы случайно не запомнили номер? Нужно позвонить в полицию!» В этот момент Джон совершенно по-другому осознал значение написанных слов. Ситуация, как он думал, теперь стала совершенно ясной.

Но тут к ним подошла женщина и сказала: «Ничего подобного. Я писала эту записку своей подруге, но не успела закончить, как ветер выхватил ее, и она улетела. Понимаете, моя подруга заболела и я хочу, чтобы она не пренебрегала медицинской помощью».

Теперь Джон был совершенно растерян. Эта записка была просьбой о помощи или дружеским советом? «Я ничего не понимаю! — сердито воскликнул он. — Эти слова могут означать что угодно!»

Джон столкнулся с тем, с чем сталкивались исследователи Ветхого Завета многие века. Подобно этой записке, любой библейский текст многозначен, даже если на первый взгляд он кажется достаточно ясным.

До Реформации большинство библейских толкователей допускало, что ветхозаветные истории значат больше, чем кажется на первый взгляд. Представители основного направления раввинской экзегетики придерживались мнения, что каждый текст содержит в себе множество значений. Свободное использование аллегорических методов применяли Филон и представители Александрийской школы — Клемент, Ориген, Амвросий и другие. Они подчеркивали множественность значений текста.

Ко времени Фомы Аквинского (1225–1274гг.) средневековая церковь уже во многом придерживалась Квадриги — метода толкования Джона Кассиана, согласно которому авторский замысел того или иного текста был важен, но его значение простиралось далеко за пределы буквального смысла.

Стеинмец подвел такой итог:

Со времени Джона Кассиана Церковь приняла теорию о многоуровневом значении Писания, выходящего за рамки буквального смысла... Аллегорический подход концентрировал внимание на Церкви и предмете ее веры... Антропологический — на личности человека и его предназначении... Аналитический подход изучал вопросы будущего.

На вере в Божье авторство Писаний основывались ранние и средневековые убеждения о так называемой «многовалентности» Писаний. Так как Бог был главным Автором Библии, ее истории многозначны и простираются за пределы намерений тех, кто их записывал. Слова Августина интерпретируют точку зрения церкви, бытовавшую до Реформации. Он сказал: «Какое еще более либеральное и плодотворное благословение мог дать Бог в Священных Писаниях, чем то, что одни и те же слова могут пониматься в разных значениях?» Такое мнение о божественном авторе заставляло многих дореформационных толкователей утверждать многовалентность библейских историй.

В наши дни многовалентность опять получила широкое распространение. Однако ее современное основание заключается в другом: в многовалентности самого языка. Корни такого направления современной герменевтики ведут к Фридриху Шлейермахеру, который утверждал, что язык текста выполняет только ограничительную функцию. Он устанавливает параметры возможного значения, но даже в этих рамках один и тот же текст может вмещать несколько смысловых структур. Рассмотрение одного только документа не всегда может быть достаточным, чтобы читатели определили его точное значение. Для определения значения им нужно смотреть за рамки текста на психологический портрет писателя.

Большинство сегодняшних библейских толкователей-буквалистов признают, что язык не может четко закреплять значение. Одни и те же выражения могут означать разные вещи. Но, вместе с тем, в кругах приверженцев Шлейермахера такое внимание к автору было заменено вниманием к читателю. Другими словами, значение текста определялось мировоззрением читателя. Когда читатели рассматривают текст с разных точек зрения, они замечают разные значения.

На протяжении веков бесчисленное количество толкователей рассматривало библейские тексты как многовалентные. Ранние взгляды были основаны на признании Божественного автора. Современная точка зрения больше основывается на разности значений самих языковых структур. Но в любом случае обе точки зрения свидетельствуют, что толкователи должны искать в историях Ветхого Завета множество значений.

Одновалентность

Не соглашаясь с многовалентными формами значений ветхозаветных историй, некоторые толкователи рассматривают их как одновалентные: текст имеет только одно значение — именно то, которое вложил в него человек, являющийся автором. Такое мнение очень часто совпадает с нашим повседневным опытом. Обычно мы считаем, что наши высказывания имеют только один смысл, которым мы их наделяем.

Джо выбежал на улицу, чтобы поиграть с друзьями, и услышал голос своей мамы: «Я бы хотела, чтобы ты обулся». Не обратив внимания, мальчик побежал босиком. Вернувшись через пару часов,

он встретил маму в дверях. «По-моему, я сказала тебе обуться!» — рассерженно сказала она. Но Джо возмущенно ответил: «Нет, ты сказала, что хотела бы, чтобы я обулся». «Да,— признала мать,— но ты прекрасно знал, что я имела в виду!»

Джо услышал слова матери и истолковал их в рамках своих собственных желаний. Фактически он был прав; она сказала, что хотела бы, чтобы мальчик обулся. Сами слова свидетельствуют в пользу толкования Джо. Но его мать желала, чтобы ее слова были поняты именно в том значении, которое, как она утверждала, мальчик прекрасно понимал. Значение фразы определяло ее намерения. Она хотела, чтобы сын обулся, и он должен был это сделать.

Мы мыслим так в большинстве случаев. Когда мы не понимаем друга, мы спрашиваем: «Что ты имеешь в виду?» Когда кто-то неправильно понял нас, мы говорим: «Нет, я имел в виду, что...». Мы часто предполагаем, что слова говорящего имеют только одно значение (которое он вкладывает в них).

Как мы уже сказали, до Реформации большинство толкователей считало, что ветхозаветные истории имеют множество значений и некоторые из них недоступны для понимания при обычном чтении. Для этого толкователи нуждались в особом духовном просвещении. Кто мог получать такие привилегированные откровения? Ответ Римской церкви был однозначным: Бог наделил особым просвещением духовенство. Истинное понимание Писания было доступным только высокому священству.

Опровергая такой подход, реформаторы установили буквальный смысл в качестве нормы для любого толкования. Как сказал Кальвин в своем комментарии к Галатам (4:22): «истинное значение Писаний является вовсе несложным для понимания».

Нормативность ясного единственного смысла Писаний оставалась центральной во многих протестантских работах по толкованию. Вильям Амес (1576–1631гг.) четко изложил свою мысль: «Каждое место в Писании имеет только один смысл. Иначе значение Писаний было бы не только неясным и неопределенным, но значения не было бы вовсе — ибо все, что не означает чего-то конкретного, не означает ничего».

Это мнение настолько широко принималось учеными семнадцатого века, что было заключено в Вестминстерский Символ Веры. «Каждый библейский сюжет имеет только одно значение».

Комментарий Макферсона к этому конфессиональному заявлению отражает общее направление ортодоксального мышления в девятнадцатом веке: «Если мы не хотим внести полную путаницу в содержание Божьего откровения, мы должны выступать только за один смысл Писания — это буквальный смысл, открывающийся при внимательном исследовании самого текста».

Многие современные евангелисты поддерживают важность только одного значения каждого стиха. Беркхоф, Рамм, Вирклер и Микельсен — только некоторые из тех, кто следует этому традиционному подходу. В последние годы самым ярким защитником традиционной одновалентности выступал Кайзер. Полагаясь во многом на работу Хирша, он утверждал, что единственный способ избежать множества неопределенностей, это признавать истину определяющей значение текста. Кайзер говорил:

Такая литературная работа как Библия может иметь одно, и только одно правильное толкование. За ее значение должна приниматься истина, которую вложил в тот или иной стих человек, написавший его; иначе все предполагаемые значения должны иметь одинаковую степень серьезности, вероятности и правильности и ни одно из них не может быть большей истиной, чем другие.

Убеждение в одновалентности каждого стиха настолько распространено среди современных евангелистов, что даже встречается в Чикагском Положении о Библейской Герменевтике. В нем сказано: «Мы признаем, что каждый стих в Библии имеет одно, определенное и закрепленное значение».

Наряду с точкой зрения Реформации о ясности и простоте смысла, большинство евангелистов сегодня рассматривают смысл той или иной истории Ветхого Завета, как единственный. Каждый стих имеет только одно значение. Согласно этому утверждению, целью экзегетического исследования является поиск того единственного значения, вложенного автором.

Значение и полная ценность

Какое же из мнений правильно? Текст имеет одно или несколько значений? Несколько лет назад возникла большая путаница, потому что некоторые евангелисты начали придавать термину «значение» не традиционный протестантский, а более широкий смысл. Они начали говорить о множестве значений, присущих одному тексту. Эти разногласия не только привели к сложностям, но также заставили пересмотреть традиционные представления о едином нормативном значении.

Многие верующие сталкиваются с серьезным вопросом. Если текст может означать больше, чем что-то одно, как мы можем быть уверены, что поняли его правильно? Как мы можем отличить правильное толкование от неправильного? Если значение не заключено в первоначальной идее, которую изложил автор, разве мы не оказываемся выброшенными за борт в море неопределенности?

Во избежание таких трудностей, мы подтвердим традиционное мнение об одновалентности текста, однако отметим и другие его аспекты для получения полной картины. Давайте посмотрим на первоначальное значение истории, библейские уточнения, правильное применение и полную ценность. Такое разделение на категории в чем-то искусственно, так как они во многом пересекаются. Однако это поможет нам избежать путаницы в исследовании ветхозаветных историй.

Первоначальное значение. Мы будем говорить об основном аспекте ценности истории — ее первоначальном значении. Первоначальное значение — это смысл текста, который вкладывал в него автор для современников. Зачем автор составил этот рассказ? С какой целью он написал эту историю? Поскольку именно первоначальное значение Писаний вдохновлялось Духом, мы принимаем его за основу любого толкования. Но мы должны помнить, что ценность текста заключается не только в его первоначальном значении.

Библейские уточнения. Библейские уточнения также являются ценностной частью текста. Такие уточнения включают в себя все, что говорит Писание о той или иной ветхозаветной истории. Как Библия комментирует этот рассказ? Уточнения могут относиться к целой истории или к ее части; кроме того, они могут уточнять рассказ прямо и косвенно.

В любом случае, библейские уточнения всегда являются истинными и надежными. Они никогда не противоречат первоначальному значению, потому что конечным Автором обоих является Бог. Но уточнения часто могут выходить за рамки первоначального значения, освещая такие качества текста, которые оставались скрытыми в дни автора.

Правильное применение. Правильное применение является третьей гранью ценности истории. Это правильное понимание деталей, которые вдохновленные толкователи прошлого, настоящего и будущего извлекают из первоначального значения при содействии библейских уточнений. Как применялась эта история? Как она должна применяться сегодня? Как она может примениться в будущем? Предполагаемое применение всегда нуждается в коррекции, потому что оно не обязательно вдохновлено Богом. Но пока применение приносит пользу, оно также формирует аспект ценности истории.

Полная ценность. Полной ценностью мы называем всю потенциальную истину, сокрытую в истории. Она включает первоначальное значение, библейские уточнения и любое правильное применение. Конечной целью евангелиста является знание и применение того, что Сам Бог хочет дать своему народу из ветхозаветных историй. Почему Дух пожелал написать эту историю? Что Бог хотел показать Своему народу? Каждый раз, когда мы обнаруживаем аспект первоначального значения, библейского уточнения или правильного применения, мы освобождаем часть этой полной потенциальной ценности.

Итак, первоначальное историческое значение ветхозаветных историй является руководством к извлечению полной ценности текста. Хотя уточнения и правильные формы применения могут выходить за рамки идеи, которую старался передать автор в своей истории, они никоим образом не противоречат ей. Поэтому если мы надеемся понять полную ценность историй Ветхого Завета, нам нужно начать свое исследование с первоначального значения (см. рис. 11)

Этапы исследования

Сосредоточив внимание на первоначальном значении ветхозаветных историй, мы теперь должны определить некоторые этапы исследования. Что мы должны учитывать при изучении первоначального значения этих текстов? Какой подход поможет нам установить четкий, нормативный смысл? Мы коснемся трех основных вопросов, определяющих параметры нашей работы: разнообразное влияние на первоначальное значение, разнообразные аспекты первоначального значения и разнообразные итоги первоначального значения.

Разнообразное влияние

Многие факторы влияют на исполнение симфонического оркестра. Дирижер управляет оркестром, ноты направляют музыкантов, исполнители играют на своих инструментах, и зал поддерживает игру аплодисментами. Даже расположение оркестра в концертном зале влияет на исполнение. Эти и бесчисленное количество других факторов влияют на качество игры симфонического оркестра.

Таким же образом многие факторы влияли на первоначальное значение ветхозаветных историй. С евангельской точки зрения, основное влияние на первоначальное значение оказал Святой Дух; Бог являет Себя в каждой истории Ветхого Завета. Но Бог использовал много внешних инструментов и каналов в качестве второстепенных факторов, оказывающих определенное влияние. Что это за влияющие факторы?

Курс Общей Лингвистики Фердинанда Саусера является одной из наиболее важных работ по этой теме. При изучении значения Саусер особенно обращал внимание на взаимосвязь между *parole* — особенными лингвистическими выражениями и *langue* — системой лингвистических условностей, общей для говорящих и слушающих.

Саусер утверждал, что значение высказывания (*parole*) зависит от ассортимента лингвистических условностей (*langue*), с помощью которых люди общаются. Общество людей, говорящих на том или ином языке, объединяется эластичной, условной языковой структурой. Каждый раз, когда они общаются, они прибегают к этим установленным условностям.

Мы рассмотрим три составные, влияющие на первоначальное значение текста: документ, автор и слушатели. Мы не можем раскрыть значение истории только из одного текста. Необходимо учитывать языковую систему, общую для автора и слушателей.

Многие литературоведы придерживались такого тройственного подхода, хотя иногда не придавали его элементам одинакового значения. Утверждение, что только намерения автора являются ключом к значению текста, можно назвать «намеренным заблуждением». Утверждение, что для определения значения необходим только документ, можно назвать «графическим заблуждением», а думать, что значение определяется только влиянием читателя на автора, значит впадать в «эмоциональное заблуждение». Мы попытаемся избежать этих крайностей и уделить необходимое внимание всем трем факторам, влияющим на значение.

Так или иначе, мы всегда уделяем какое-то внимание этим факторам. Мы не можем понять текст без исследования самого документа. Даже для поверхностного изучения нужно знать хотя бы что-нибудь о тексте. Мы также можем ничего не знать об авторе, но всегда делаем какие-то предположения о нем. Мы предполагаем, что автор имел определенный уровень языковых способностей, интеллекта и мировоззрения. Таким же образом, мы можем мало что знать о современниках автора, но мы предполагаем, что они могли понимать основные элементы текста и проявляли к нему хотя бы небольшой интерес. При изучении значения любой записки, письма, статьи или книги мы обращаем определенное внимание на все три фактора.

Несколько примеров того, как Библия раскрывается через эти факторы, показывают их важность. Библейские писатели придавали огромную важность документам Ветхого Завета. Они внимательно изучали их, иногда обращали особое внимание на специфику слов (Гал.3:16–18; Рим.4:18–25). К тому же, они периодически соотносили свои толкования с эпохой автора и его современниками. (2Пар.36:22; Неем.1:8–9; Дан.9:1–3; Мф.22:44–46; Деян.2:26–36; 2Пет.3:15–16; Евр.4:6–11). Уровень внимания к каждому фактору у всех библейских писателей разный. Но сама Библия показывает необходимость учитывать все три фактора при оценке первоначального значения ветхозаветных историй.

Разнообразные ракурсы

Многие любят ходить на стадион, чтобы смотреть футбол. Это очень весело — находиться там, среди всеобщего шума и восторга. Но со своей скамейки вы видите игру только в одной части поля. В этом отношении просмотр по телевизору имеет преимущество. Вы видите эпизод с одной стороны, затем его повторяют слева, справа, спереди и сзади. Такие разные позиции формируют более полную картину, чем обзор из одной точки на стадионе. Очевидно, многие согласятся с этим. Я даже видел, как фанаты, сидя на стадионе, смотрели портативные телевизоры!

Таким же образом, одна точка зрения ограничивает наше понимание первоначального значения. Писатели, документы и слушатели во многом взаимодействуют между собой. Намерения писателя влияют на слушателей, потребности слушателей формируют документ, документ воплощает желание писателя сообщить свою идею. Такая взаимосвязь очень сложна. И если мы научимся смотреть на нее с разных позиций, мы получим более полную картину того, что Святой Дух первоначально задумал передать Своему народу через эти истории.

Какую же позицию нам нужно занять, чтобы зафиксировать взаимосвязь между писателями, документами и слушателями? Полезно будет рассмотреть парадигматическую, синтагматическую и прагматическую точки зрения. Эти три позиции зависимы друг от друга, но ради простоты мы рассмотрим их как три основных вопроса. Парадигматический ракурс спрашивает, что писатель решил сказать; синтагматическая перспектива рассматривает, как он изложил свою работу; прагматический взгляд интересуется, почему он написал об этом для читателей.

Большинство специалистов по семантике применяют эти позиции, в основном, на уровне слов, фраз и предложений. Какие слова избрал писатель? Как структура фразы или предложения определяет значение? Как влияет на значение сверхлингвистический контекст? Однако в нашей работе мы будем использовать эти категории для изучения целых историй и книг Ветхого Завета. Как парадигматический, синтагматический и прагматический углы зрения помогают нам понять первоначальное значение целых историй и книг?

Парадигматический угол зрения помогает анализировать значение текста в сравнении с другими возможными вариантами. Что писатель решил сказать, а что нет? Значение рассматривается как вопрос выбора. От отдельных слов до целых речей, авторы всегда производят отбор. Когда мы рассматриваем то, что они отобрали и что исключили, нам легче определить значение текста.

Значение того или иного слова нужно оценивать относительно других слов в лексиконе человека. Каждый язык имеет множество синонимичных слов. Почему мы избираем одно слово, а не другое? Иногда такой выбор произволен, но он часто является результатом определенного понимания значения тех или иных слов.

Мы часто предпочитаем одно слово другому, потому что оно более точно обозначает ту мысль, которую мы желаем передать. Если я хочу сказать своей семье, что ходил в супермаркет, я могу сказать: «Я ходил в магазин». Я не говорю: «Я ходил в кино». Почему? Потому что слово «магазин» передает идею о супермаркете, а «кино» нет. Мы не называем шляпу «книгой»; мы не называем машину «елкой». Если мы не хотим употребить определенный речевой оборот, мы выбираем слова, отражающие понятие именно того, о чем мы хотим сообщить.

Иногда мы выбираем слова, которые не точно передают идею, а только описывают ее вообще. Например, слово «магазин» может быть не совсем ясным. Оно может передавать идею о любом магазине: одежды, мебели, автодеталей и т.д. Вместо того, чтобы сказать «Я ходил в магазин», я могу сказать «Я ходил за продуктами». Мы можем выбирать слово «океан» вместо «вода», «дочь» вместо «ребенок» в зависимости от наших целей. Значение понятия может быть сконцентрированным или расширенным.

Во-вторых, мы избираем слова из-за их дополнительного, побочного оттенка значения. Такие оттенки могут быть самыми разнообразными, но зачастую эмоциональный играет основную роль. Какая разница в описании одного и того же человека: «бюрократ», «государственный служащий» и «общественный деятель»? Все три понятия могут одинаково передавать суть, но их эмоциональные оттенки довольно различны. Я могу описать себя как «настойчивого» человека, другого как «упрямого» и третьего как «глупого». Мой выбор основан на эмоциональных оттенках значений этих слов.

Писатели Ветхого Завета избирали слова на основании их точного и дополнительного значений. Посмотрите на один стих из истории о Вавилонской башне: «И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие» (Быт.11:5). Что имел в виду Моисей, когда сказал, что Бог «сошел»? Почему он, к примеру, не сказал «пришел» или «подошел»? Эти слова ничуть не нарушили бы понятие читателей о том, что Бог обитает на небесах. Но Моисей избрал слово «сошел», потому что оно отражает движение вниз. Оно также имеет определенный эмоциональный оттенок. В предыдущем стихе Моисей сказал, что башня была «высотой до небес» (Быт.11:4). И он, возможно, выбрал слово «сошел» из-за саркастического оттенка его значения. Люди строили башню и думали, что достигли небес, но Господу все равно пришлось сойти, чтобы посмотреть ее.

Изучение альтернативной лексики, используемой писателями, поможет нам понять, почему те или иные слова они избрали. Мы должны учитывать антонимы и синонимы этих слов, чтобы прояснить их значение. Изучение такого авторского отбора поможет нам раскрыть их идею. Как сказал Тиселтон: «Толкователь не может знать, какое значение нужно придавать использованию автором того или иного слова, пока он не определит одновременные альтернативы, из которых автор мог выбирать».

В нашей работе мы будем оценивать первоначальное значение, благодаря такому же подходу, только к более обширным частям материала. В конечном итоге, все, что включено в ветхозаветные истории, определил Святой Дух. Но в свете органичного вдохновения мы должны спрашивать себя, что включили или исключили люди, через которых Он писал Ветхий Завет. Так мы сможем яснее понять первоначальное значение текста.

Евангелисты часто игнорируют такой анализ лексики Ветхого Завета. «Они написали об этих событиях, потому что они произошли», — говорим мы. Это действительно так, но ветхозаветные авторы могли описать те же события совершенно по-другому, не искажая при этом фактов. То, о чем повествуется, что подчеркивается, что оставляется в тени и что упускается, является, по большей части, вопросом выбора.

Сколько вариантов имеют писатели для описания сцены, в которой человек идет по улице? Они могут сказать нам год, месяц, день и час; они могут указать страну, город и улицу; они могут пожелать описать погоду, состояние улицы, людей, идущих рядом. Писатели могут описать его физическое состояние и внешний вид; они могут сосредоточиться на его целях, мыслях и чувствах. И это всего лишь немногие из большого числа деталей, которые могут описать авторы, составляя простую сцену о человеке, идущем по улице. С каким же огромным выбором сталкивались писатели Ветхого Завета, составляя целые истории и книги? И если выбор был таким обширным, по какому принципу они отбирали, что включить в свои истории, а что исключить? Они основывали свой выбор на точных и дополнительных значениях.

Ветхозаветные истории были предназначены для описания определенных сторон тех или иных событий. Писатели сообщали о том, к чему хотели привлечь внимание читателей. Почему, например, автор Царств говорит «Отрок же Самуил более и более приходил в возраст и в благоволение у Господа и у людей» (1Цар.2:26), а не «Самуилу было двенадцать лет, и он был полтора метра ростом»? Почему автор Книги Судей повествует о том, что Еглон был «человек очень тучный» (Суд.3:17), а не о том, что у царя «была борода»? Прежде всего, писатели включали именно те элементы, на которые желали обратить внимание своих читателей. Выбор в ветхозаветных историях часто основывается на идеях, которые авторы хотели точно передать. Но авторы Ветхого Завета также включали и исключали элементы на основании их смысловых оттенков. О репутации Самуила повествуется, чтобы вызвать благоволение к нему и презрение к сыновьям Илия. Описание ожирения Еглона высмеивало правителя.

В последующих главах мы сосредоточимся на выборе, который делали писатели. Мы ясно увидим, что они не говорили обо всем подряд, о чем могли сказать; предоставляя одну информацию, они удерживали другую. Изучение такого отбора позволяет нам исследовать смысл их историй.

Синтагматический. Второй основной гранью первоначального значения является синтагматическое расположение — то, как использовано слово относительно других слов текста. Саусер писал так:

В речи слова зависят друг от друга, будучи связаны между собой согласно линейной структуре языка. Тот или иной термин приобретает ценность только благодаря тому, что он находится в зависимости от всего, что предшествует ему и следует после него.

Синтагматический контекст зачастую не только определяет, какое слово должно быть использовано, но и придает одному и тому же слову разные значения. Словосочетание, простое или сложное предложение, внутри которого находится слово, определяют его значение. Возьмем, к примеру, предлог «на». Если я спрошу вас, где находятся слова, которые вы читаете — «на» этой странице или «рядом» с ней, вашим ответом будет уверенное «на». В этом контексте «на» и «рядом» имеют совершенно разные значения. Но давайте изменим синтагматический контекст. Если вы спросите меня: «Где ты живешь?», я отвечу: «Я живу на улице Векива Коув». В этом контексте «рядом» было бы синонимом «на». Я живу рядом с этой улицей. Таким образом, синтагматический контекст влияет на значение слова.

Расширенный контекст также определяет значение слова. Абзац или целая глава могут сформировать у читателя понимание значения того или иного слова.

То же самое касается ветхозаветных историй. Значение слова в тексте может быть разным из-за его синтагматического контекста. Ярким примером является употребление слова «дом» во 2Цар.7:1–16. В этом отрывке «дом» упоминается восемь раз, но имеет, по крайней мере, три разных значения. «Дом» означает «дворец» Давида (ст. 1, 2), «Божий храм» (ст. 5, 6, 7, 13) и «династию Давида» (ст. 11, 16). Как же мы отличаем разные значения одного и того же слова? Мы видим разницу, рассматривая синтагматический контекст, в котором оно употребляется каждый раз. Если контекст говорит о месте, в котором жил Давид, «дом» — это его дворец. Если в стихе говорится о том, что Давид пожелал построить «дом» Богу — это Божий храм. Если Бог говорит Давиду о его будущем, «дом» означает его родословие. В каждом случае синтагматический контекст предлагает подсказки к значению слова.

В последующих главах мы рассмотрим, каким образом синтагматический контекст определяет значение на более широком уровне, рассматривая структуру рассказа. Изучив, как устроен рассказ, мы сможем быстрее подобрать ключ к открытию его первоначального значения.

К сожалению, многие евангелисты не видят особой важности в анализе структуры и устройства ветхозаветных историй. Мы часто говорим себе: «Истории изложены так, как происходили события». Несомненно, исторические факты ставили библейских писателей в определенные рамки; они не выдумывали и не искажали событий. Однако ветхозаветные авторы излагали одни и те же серии событий по-своему. Иногда они соблюдали историческую последовательность, иногда нет. События часто предсказывают дальнейшие сцены и повторяют предыдущие. В одних историях сцены изложены симметрично, в других — асимметрично. Одни действия повышают, другие снижают драматическое напряжение. И это только некоторые из стилей, при помощи которых ветхозаветные авторы излагали свои истории.

Раскапывая первоначальное значение, нас интересует то, как ветхозаветные авторы писали свои повествования. Мы рассмотрим отдельные сюжеты, серии историй и целые книги под синтагматическим углом.

Прагматический. Разделение Саусера между *parole* и *langue* указывает еще на один ракурс оценки значения текста: прагматический контекст. В последние годы очень много внимания уделялось прагматике человеческого языка. Выяснилось даже, что на значение текста могут влиять некоторые факторы, стоящие вне самого языка. Ситуация, в которой находятся говорящий и слушающие, во многом определяет значение речи. Значение зависит не только от парадигматического отбора и синтагматического изложения; оно также зависит от сверхлингвистического, прагматического контекста, в котором встречается слово или фраза.

Прагматический ракурс имеет множество аспектов, включая общую историческую и культурную обстановку. Значение одного и того же выражения может быть разным в разное время и в разном месте.

Сверхлингвистический контекст также включает цели, для которых была избрана та или иная история. Возьмем, к примеру, значение повелительного наклонения. Студенты теологии часто считают, что повелительный глагол всегда выражает заповедь, что в большинстве случаев действительно так. Когда Бог говорит о нравственном вопросе, Его повелительный стиль явно передает заповедь (Исх.19:10). Когда царь говорит своим слугам, что делать, его требование является приказом (2Цар.11:14–15). Но анализ прагматического контекста явно показывает, что повелительное наклонение не всегда выражает авторитарную команду. Когда слуга настоятельно говорит царю, совершенно очевидно, что это не приказ (2Цар.14:4). Так же и когда поклоняющийся возносит молитву в повелительном стиле, это настойчивая просьба, а не приказ (Пс.51:10).

Важность такого сверхлингвистического контекста очевидна, когда мы пытаемся ухватить связь между мыслями говорящего и грамматикой его речи. Евангелисты часто предполагают, что грамматические формы текста четко соответствуют намерениям автора. Мы считаем, например, что если писатель хочет передать нам факты, он употребляет повествовательные предложения; если он хочет о чем-то спросить, он употребляет вопросительное предложение; если он хочет напомнить нам наши обязанности, его текст носит повелительный характер.

Немного поразмыслив, мы увидим, что логико-грамматический изоморфизм не имеет подтверждений. Объем мыслей писателя не соответствует в точности грамматической плоскости его текста. Но при определенном контексте повествовательное предложение может быть повелением, вопросительное предложение может быть приказом, а повелительное — простым утверждением факта.

Например, что означает фраза: «Здесь холодно»? На первый взгляд она кажется простым описанием температуры окружающей среды. Но разные прагматические условия могут направить нас к другому пониманию. Если, к примеру, говорящий болен, эта фраза может быть призывом к сочувствию, эквивалентом «Помогите мне, у меня жар!» Когда студенты, входя в класс, говорят «Здесь холодно», они имеют в виду: «Пожалуйста, включите обогреватель!». Во время знойного летнего дня эта фраза может быть произнесена саркастично, и означать в действительности: «Здесь очень жарко». Почему возможно такое разнообразие? Потому что значение выражения не определяется только структурами внешней грамматики. Грамматика должна читаться в свете сверхлингвистических обстоятельств и намерений автора.

Прагматический ракурс важен для толкования ветхозаветных историй. Если мы проведем четкую параллель между мыслями библейских писателей и их грамматическим выражением, нам придется сделать заключение, что большинство ветхозаветных историй не учат нравственным или теологическим принципам. В конце концов, большинство библейских текстов являются всего лишь сообщением фактических событий. На поверхности текст не раскрывает всей глубины значения. Несомненно, ветхозаветные истории сообщают читателям о фактах, но, кроме того, они делают намного больше. Другие измерения значения скрываются под поверхностью и могут быть замечены только в свете прагматических обстоятельств, во время которых был написан рассказ.

Например, история о Седрахе, Мисахе и Авденаго (Дан.3:1–30) на первый взгляд просто повествует о событиях. Писатель только описывает факты, никогда не углубляясь дальше. Однако, учитывая прагматический контекст, а именно пленение современников, которым книга была адресована непосредственно, мы можем видеть, что она сообщает намного больше, чем видно на первый взгляд. Она направляла читателей к благочестивому житию; она внушала чувство гордости за отвагу своих героев; она вдыхала в читателей веру; она также наполняла их славословием Господу. Ничто из этого не выражено в книге явно, определенной грамматической формой, но когда мы учитываем, для чего был написан рассказ, мы лицом к лицу сталкиваемся с этими аспектами первоначального значения.

Ветхозаветные истории использовались для многих целей. Далее в нашей работе мы рассмотрим прагматику этих повествований. Однако уже сейчас нам должно быть ясно, что для понимания первичного значения этих текстов нам нужно больше, чем простое восприятие того, что написано на странице. Мы должны также учитывать обстоятельства и причины написания того или иного повествования.

Итак, мы посмотрим на взаимодействие между документом, автором и читателями с трех сторон: парадигматической (Что решил написать автор?), синтагматической (Как автор изложил свой материал?) и прагматической (Почему автор предложил свой материал?). Применяя эти методы анализа к ветхозаветным историям, мы сможем лучше постигать первоначальное значение этих текстов (см. рис. 12).

Разнообразные выводы

Все мы знаем, что существует только один Атлантический океан. Это однозначный, объективный факт. Однако один этот факт является сложным сочетанием химических соединений, животной и растительной жизни и множества других бесчисленных элементов живой и неживой природы. Такой сложной системе невозможно дать одно исчерпывающее определение. Лучшее, что мы можем сделать, это предложить множество различных описаний.

Как мы уже увидели, ветхозаветные авторы писали одновалентные, разборчивые тексты для своих читателей. Каждое место Писания имеет одно первоначальное значение. Но одновалентность не означает упрощенность. Писатели, документы и читатели взаимодействовали для создания первоначального значения. Парадигматический, синтагматический и прагматический углы зрения открывают, насколько сложным было такое взаимодействие. Следовательно, при исследовании ветхозаветных историй, самым мудрым решением с нашей стороны будет множество разнообразных выводов из одного первоначального значения.

Однажды ко мне подошел студент и спросил: «Какой комментарий даст мне правдивое значение Исхода?» Вопрос застал меня врасплох, но я смог ответить: «Есть много хороших комментариев к этой книге».

«Но все они говорят разное,— ответил он. — Я хочу знать, какой из них скажет мне одно истинное значение, не пропустив ничего».

Этот студент серьезно заблуждался. Одно дело говорить, что каждый текст имеет одно унифицированное первоначальное значение. Но совсем другое дело ожидать, что какой-нибудь один комментарий полностью опишет вам это значение. Сколько страниц потребовалось бы для исчерпывающего описания Десяти Заповедей? Разве может какой-нибудь комментарий до конца изъяснить первоначальное значение пересечения моря Израилем? Конечно, нет! Эти места настолько богаты значением, что комментарий может только касаться поверхности его глубин.

Многие евангелисты чрезмерно упрощают первичное значение, думая приблизительно так: «Это место означает то, что я сказал. И поскольку оно может иметь только одно значение, оно не может означать ничего другого». Имея такую точку зрения, мы, скорее всего, прекратим изучать это место и исключим любое дальнейшее его исследование, потому что мы будем думать, что достигли единственного, правильного толкования.

Свойственная ветхозаветным рассказам многоуровневость превращает исследование в непрекращающийся процесс. Мы можем обнаружить аспект первоначального значения, но никогда не должны думать, что раскрыли последний. Исследуя ветхозаветные истории, мы можем исчерпать себя, но мы никогда не исчерпаем сами тексты.

Приступая к исследованию ветхозаветных историй, мы должны помнить, что у них существует только одно первоначальное значение, но при его помощи мы можем сделать много важных выводов. Тщательное изучение может исправить наши ошибочные выводы, но значение может иметь далеко не одно правильное изложение. Наша цель заключается не в том, чтобы сформулировать единственное правильное описание первоначального значения. Мы должны формулировать ассортимент правильных описаний.

В последующих главах мы научимся делать различные выводы из чтения ветхозаветных историй. В главах 6–9 мы сосредоточимся на свойственных выводах. Мы коснемся описания образов, сцен и структуры документа. С 10-ой по 12-ю главу наше внимание будет обращено на посторонние выводы. Мы сосредоточимся на авторах и их прагматических целях. Поскольку первоначальное значение ветхозаветных историй является совокупностью многих факторов, никакой одиночный итог не будет достаточным. Нам нужно научиться делать такие разносторонние выводы, чтобы наше понимание историй Ветхого Завета могло расширяться (см. рис. 13).

Заключение

В этой главе мы представили основной подход, которому будем следовать при исследовании ветхозаветных историй. Целью исследования является: раскрыть первоначальное значение, смысл документа, учитывая особенности писателя и его современников. Это единственное, исторически утвержденное и нормативное для толкования значение. Тем не менее, мы должны помнить сложность взаимодействия между писателем, документом и читателями, а также обращать внимание на парадигматический, синтагматический и прагматический ракурсы значения. Научившись подводить итоги такого рода, мы сможем понимать, что означали эти истории, когда Бог дал их Своему народу.

Вопросы

1. Что такое многовалентный взгляд на значение? Чем отличаются древние взгляды на поливалентность от современных?
2. Что такое одновалентный взгляд на значение? Куда ведут некоторые исторические корни этого взгляда в библейском толковании?
3. Какие различия проводятся в этой работе между «первоначальным значением», «библейскими уточнениями», «правильным применением» и «полной ценностью»?
4. Почему важна формула «одно первоначальное значение — много частичных выводов»?
5. Назовите материальные факторы, определявшие первоначальное значение. Опишите разницу «парадигматического», «синтагматического» и «прагматического» подходов к анализу первоначального значения.

Упражнения

1. Сравните старый и более современный комментарии к Бытию 1:1–2:4. Отметьте, на чем сосредотачиваются данные комментаторы, когда речь идет о первоначальном значении, библейских уточнениях и правильном применении.
2. Посмотрите на старый и современный комментарии к Бытию 1:1–2:4. Данные комментаторы больше сосредотачиваются на авторе, документе или читателях? Как можно было бы расширить их поле зрения, улучшив тем самым их комментарий?
3. Посмотрите на старый и более современный комментарии к Бытию 1:1–2:4. Данные комментаторы занимают больше парадигматическую, синтагматическую или прагматическую позицию? Можете ли вы заполнить некоторые пробелы в их подходах?